

Цзян Ехун с грохотом опустил чарку и, растеряв весь свой грозный вид, воззрился на Хо Ча.

— Какую ещё... защиту? Не несите чепухи, а не то... не то я вам живо задам!

Хо Ча, самый старший из них, лишь усмехнулся — он-то шуток не боялся.

— Чепухи? Да вы сами посмотрите, — подмигнул он остальным. — Наш глава Чу стал совсем другим человеком, разве нет?

— И то правда! — подхватил кто-то. — Изменился до неузнаваемости. Только одно может превратить ледяную статую в воплощение нежности. И это...

Цзян Ехун схватил горсть арахиса и запустил в шутника.

— Пей уже! Что во мне изменилось?

Хо Ча расхохотался.

— Стал похож на живого человека, вот что. Глава Чу, чего ты так разволновался? Думал, мы скажем что-то другое?

— Ты!.. — Ехун понял, что в споре с ними не победит, и угрюмо осушил ещё одну чашу. То ли алкоголь ударил в голову, то ли смущение взяло своё, но он заметно покраснел.

Жун Жо, наблюдая за этой сценой, лишь с улыбкой покачал головой. Эти ловцы хоть и выглядели неотесанными мужланами, на деле оказались славными ребятами. Он осторожно потянул Цзян Ехуна за край рукава.

— Брат Чу, не пей так много.

Ехун плеснул себе ещё.

— Сегодня гуляем до последнего! Всё нормально, я крепкий, меня так просто не свалить.

Хитрый Хо Ча подался вперёд и прошептал Чжао Чэню, прищурившись:

— Гляди-ка, под столом-то... милуются.

Чжао Чэнь тоже вытянул шею, расплываясь в довольной ухмылке.

— О-о, не разлей вода!

Жун Жо, услышав это, мгновенно отдернул руку и отодвинулся подальше, чувствуя, как горят кончики ушей.

Хо Ча зашёлся смехом:

— Тише вы, парень совсем засмутился. Лицо вон какое тонкое, не вгоняйте его в краску.

— Да-да, — закивал Чжао Чэнь. — Пьём, мужики!

Ехун тоже всё слышал, но возражать не смел — он знал, что у этих балагуров в запасе ещё сотня подколов. Попробуйся он оправдаться — и вовек не отмоется. Однако сердце предательски забилося чаще, а он покраснел ещё сильнее. Жун Жо сидел, низко опустив голову.

— Ты... ты не слушай их, — пробормотал Ехун, пытаясь изобразить спокойствие. — Как выпьют, так язык без костей... мелют что попало. Не бери в голову. У меня к тебе... честное слово... никаких... никаких дурных помыслов...

Жун Жо лишь непонимающе моргнул и кивнул. Ехун, осмелев, положил руку ему на плечо.

— А-Жо, спасибо тебе...

Похоже, он действительно перебрал. Ехун всем телом навалился на спутника, обдав его густым запахом вина. Жун Жо попытался немного отстраниться, но куда там — тяжёлая рука держала крепко.

— Брат Чу, ты преувеличиваешь. С чего вдруг такие благодарности? Мне даже неловко...

Ехун придвинулся ещё ближе. «До чего же вкусно пахнет...» Опять этот аромат. Стоило ему вдохнуть его, как внутри всё вспыхивало жаром. Горло пересохло, кадык нервно дёрнулся.

— А-Жо... от тебя так пахнет...

Жун Жо широко открыл глаза, он смущённо опустил взгляд, а на скулах проступил нежный румянец.

— Брат Чу... ты пьян.

Мир вокруг Ехуна стал лёгким и податливым. Он приподнял прядь длинных волос, упавшую на

плечо юноши, и принялся наматывать её на палец.

— А-Жо, тебе когда-нибудь говорили, что ты удивительно красив?

Жун Жо замер, заливаясь краской до корней волос.

— Брат Чу, ты точно лишнего хватил...

— Красивый... — Ехун тихо усмехнулся. — Наверняка тебе это твердят на каждом шагу.

В его голосе проскользнула странная, непонятная ему самому горечь. Жун Жо лишь молча улыбнулся. Ехун уронил голову ему на плечо.

— А-Жо... скажи, как можно быть таким неудачником?

Юноша с трудом выпрямился, стараясь удержать обмякшее тело.

— Брат Чу, давай я отведу тебя домой.

Ехун мотнул головой.

— Подумать только... в своё время я гремел на всю Поднебесную, не знал равных в бою... и вдруг поперхнулся орехом! Насмерть! Скажи, это вообще на что-нибудь похоже? На что-нибудь похоже, а?

Жун Жо, приняв его слова за пьяный бред, обхватил Ехуна за талию.

— Брат Чу, идём домой.

Остальные ловцы к тому времени тоже изрядно нагрузились — расходились в обнимку, пошатываясь и поддерживая друг друга. Жун Жо с трудом тащил на себе Цзян Ехуна.

— Брат Чу, потерпи немного, скоро будем на месте.

Ехун льнул к нему, притягиваемый манящим ароматом. Под действием хмеля он уткнулся носом в шею юноши. Жун Жо на мгновение застыл, его взгляд внезапно стал ледяным — в этот миг он казался совсем другим человеком. Но, не проронив ни слова, он дотащил тяжёлую ношу до дома.

Завалив Ехуна на кровать, Жун Жо выдохнул — ну и тяжесть. Ловец что-то бессвязно бормотал,

размахивая руками; было ясно, что он в стельку. Жун Жо закинул его ноги на постель и стащил сапоги. Но стоило ему потянуться за одеялом, как Ехун резко вскинул руку и обхватил его за шею.

Жун Жо не удержался и рухнул прямо ему на грудь. Цзян Ехун глухо охнул от удара, приоткрыл глаза и удовлетворённо улыбнулся.

— А-Жо, какой же ты всё-таки... красивый.

Жун Жо вздохнул, собираясь подняться, но хватка на шее не ослабла.

— Куда ты?

Жун Жо замер. Расстояние между ними сократилось до предела, подбородок почти касался чужой груди. Свободной рукой Ехун отвёл прядь волос от лица юноши.

— А-Жо, почему ты... такой прекрасный?

Жун Жо выдавил натянутую улыбку.

— Брат Чу, ты меня сейчас задушишь.

Хмель окончательно спутал мысли Ехуна.

— Задушю? Где тебе нехорошо? Так неудобно лежать? Тогда иди сюда...

Он рванул Жун Жо на себя, переворачиваясь и придавливая его к постели. Тот оцепенел.

— Брат Чу, ты...

— Смешно, — Ехун хрипло рассмеялся. — Нелепо... У меня, мужчины, появились странные мысли о другом мужчине. Но что поделать, если ты такой? А-Жо, будь я на месте Ли Фугуя, я бы тоже... не удержался. Я хочу...

Внезапно в глазах Жун Жо вспыхнул фиолетовый свет. Цзян Ехун мгновенно обмяк и тяжело рухнул на него. Взгляд юноши стал мертвенно-пурпурным.

— У меня сегодня дела, — прошептал он ледяным голосом. — Некогда мне с тобой играть. Как-нибудь в другой раз.

Тюрьма Цзинчжоуской управы. Время перевалило за полночь. Стражник, не в силах бороться с дремотой, зевнул. Факел на стене внезапно качнулся, словно от порыва ветра, принесшего едва уловимый цветочный аромат. Стражник уронил голову на стол и крепко заснул.

Гао Ли ворочался на жестких нарах. Ему доводилось спать и в более мерзких местах, но сон сегодня не шел. Замок на решетке внезапно лязгнул и открылся. Гао Ли резко обернулся — перед ним стоял человек.

Арестант медленно поднял голову, и дыхание его перехватило.

— Ты...

Это был тот самый юноша, что всегда тенью следовал за ловцом. Гао Ли не мог забыть это лицо. Но почему он здесь? И почему... почему его глаза сияют фиолетовым?

Кровь в жилах Гао Ли мгновенно остыла.

— Кто ты... кто ты такой?!

Жун Жо стоял неподвижно, его лицо застыло маской. Он медленно поднял руку — и рука Гао Ли, повинаясь этому жесту, поднялась следом. Тот в ужасе уставился на свои конечности. Приглядевшись, он заметил, что его руки опутаны тончайшими, как волос, серебряными нитями.

— Да что же ты за чудовище?!

Жун Жо едва заметно шевельнул пальцами, и ноги Гао Ли пришли в движение. Тело узника превратилось в марионетку на невидимых струнах.

— Откуда у тебя ядовитые гу из Мяоцзяна? — раздался тихий голос.

— Сам... сам вывел... — прохрипел Гао Ли.

Жун Жо резко дёрнул кистью. Серебряная нить впилась в шею пленника, пуская кровь.

— Яды Мяоцзяна не под силу простому смертному. Ты за идиота меня принимаешь?

Гао Ли вздёрнуло вверх, словно куклу.

— Спрашиваю ещё раз: откуда яд? — голос Жун Жо звучал как приговор самой Смерти.

Пленник упорно молчал. Пурпурный блеск в глазах юноши стал глубже.

— Хорошо, спрошу о другом. Откуда взялся Гао Цзылинь?

Руки и ноги Гао Ли больше ему не принадлежали. Жун Жо достаточно было сжать кулак, чтобы нити заставили узника растерзать самого себя.

— Где семейная реликвия Гао — Изумрудный Цилинь?

Гао Ли, преодолевая боль, выдавил:

— Так ты тоже... из-за него пришёл?

Жун Жо проигнорировал вопрос. Он достал рисунок с изображением ириса и развернул перед лицом пленника.

— В деревне Девяти Семей болтали, что этот Цилинь дарует долголетие. А герб вашей семьи натолкнул меня на одну мысль. Гао Цзылинь прибыл вовсе не с севера, а из Мяоцзяна. Ирис — это знак великого клана шаманов У. Их святыня, Изумрудный Цилинь, веками хранилась у Великой шаманки. Двенадцать лет назад в Мяоцзяне вспыхнул мятеж. Император-шаман решил прекратить ритуалы Линлун, и клан раскололся. Сторонники Великой шаманки пали, но их верный страж сумел бежать, прихватив с собой святыню. С тех пор его и след простыл.

Нити на шее Гао Ли натянулись до предела. Жун Жо медленно мерил шагами тесную камеру.

— Гао Цзылинь и есть тот самый страж, Линь Цзыгао, верно? А одна из его дочерей — младшая сестра шаманки У Цзян. Сдаётся мне, это была Гао Юйянь, твоя невеста.

Узник хрипел, захлёбываясь воздухом. Жун Жо резко взмахнул рукой, убирая нити. Гао Ли рухнул на пол, содрогаясь всем телом. Юноша опустился рядом на корточки и силой заставил его смотреть себе в глаза.

— Знаешь ли ты, что такое ритуал Линлун? Это жертвоприношение. Шаманку, рождённую в девятый день девятого месяца, убивают, а затем с помощью Цилиня переселяют её душу в новое тело. Десятилетний цикл перерождений... Та, кого зовут Великой шаманкой Линлун — лишь тень, жаждущая вечной жизни. Она опутала свой народ ложью. И Гао Юйянь, которую ты так любил... её, скорее всего, давно нет на этом свете.

Гао Ли хватал ртом воздух. В его глазах застыл первобытный ужас.

— Кто ты... — прошептал он побелевшими губами.

Жун Жо поднялся, его взгляд снова стал безразличным.

— Сначала ответь: где Изумрудный Цилинь?

Гао Ли затряс головой.

— Я не понимаю... я не знаю, о чём ты. Цилинь пропал... десять лет назад, в том огне...

— Где были сёстры Гао в тот день?

— Я... не знаю... Юйянь... она действительно забрала его с собой. В тот день... девятого числа девятого месяца... — голова Гао Ли бессильно поникла, а из глубин памяти начали всплывать обрывки воспоминаний, которые он годами пытался похоронить.

Гао Юйянь была самой красивой из сестёр, но порой она пугала его. Она могла часами говорить сама с собой, словно внутри неё жил кто-то чужой. Однажды Гао Ли проходил мимо её покоев и увидел, как она смеётся перед зеркалом. Сначала он подумал, что она просто радуется каким-то своим девичьим мечтам, но, присмотревшись, похолодел: лицо, отразившееся в зеркале, не принадлежало Гао Юйянь.

<http://bllate.org/book/17428/1659253>